

Глава 13

Небо еще не начало светлеть, а Лу Ян уже был на ногах.

Это была многолетняя привычка — просыпаться раньше петухов.

Теперь, когда он был женат, никто не стоял над душой, торопя с работой. Можно было наконец-то выспаться, стоило лишь закрыть глаза и снова провалиться в сон.

Но ему не лежалось, все тело зудело от бездействия.

«Эх, натура неугомонная», — вздохнул Лу Ян.

Он осторожно убрал руку Се Яня со своей талии, в потемках слез с кана, проворно оделся и вышел.

Прошлой ночью он успел осмотреть весь дом, так что сегодня уверенно нашел дорогу на кухню.

В доме не было ни единого овоща. Огород перед домом был запущен, росло лишь несколько жалких кочанов капусты, да и те вчерашняя толпа растоптала.

Лу Ян зажег свечу и принялся осматривать кухню: открывал шкафы, заглядывал в глиняные горшки, проверял корзины и даже засунул руку в чан с рисом.

Овощей не нашлось, только немного риса и муки.

Обычно в крестьянских домах всегда был запас вяленого мяса, но в доме Се не нашлось ни кусочка.

Не резать же еще одну курицу?

Это было бы слишком расточительно.

Лу Ян решил прогуляться по деревне в надежде, что какой-нибудь добрый селянин поделится с ним капустой или редькой.

Он никогда раньше не был в деревне Шансицунь, поэтому запомнил дорогу от дома и отправился на прогулку. К своему огорчению, он обнаружил, что презируемые горожанами «деревенщины» спят дольше него.

Во всех домах было темно, все сладко спали. Лишь он один одиноко бродил по улице.

Лу Ян потерял дар речи. Поворачивая назад, он заметил вдали огонек и без колебаний направился к нему.

Свет горел в доме семьи Лао Чжу. Во двор вышел их второй сын, по прозвищу Ша Чжу.

Вчера Лу Ян пнул его курицу и разбил яйца, но тот оказался сообразительным и быстро сбежал, избежав второй порции тумачков.

Он плохо спал всю ночь: болела курица, мучили кошмары. Выйдя во двор в полузабытьи, он увидел Лу Яна — зловещую звезду, губителя кур, — который стоял за оградой и звал его.

— Эй, овощи в доме есть?

Ша Чжу затрясся как осиновый лист и едва не закричал от ужаса.

Лу Ян, не разглядев его лица в темноте, продолжил:

— Мой огород эти негодяи растоптали, ни одной грядки не осталось...

Не дожидаясь, пока тот попросит, Ша Чжу тут же выпалил:

— Есть! У нас есть! Подожди, я сейчас принесу!

Лу Ян удивился.

«Какой любезный».

— Спасибо, старший брат, ты очень добрый человек, — вежливо сказал он.

Ша Чжу схватил большую корзину, чтобы нарвать ему овощей. Услышав, что Лу Ян назвал его добрым человеком, он вернулся в дом и вынес еще немного сушеного тофу и кусок вяленого мяса.

Только когда все это оказалось в руках Лу Яна, он понял, что это не встреча с добрым самаритянином, а столкновение с заклятым врагом.

Лу Ян быстро оглядел Ша Чжу, затем двор и дом за его спиной.

— Так это твой дом? Неплохо построен. Такой большой, наверняка есть свободные комнаты? Как-нибудь загляну к вам пожить на пару дней.

Ша Чжу чуть не рухнул на колени. Он развернулся и снял с балки связку сушеного перца.

— Брат, я правда не нарочно! Я просто пошел поглазеть на веселье, меня толпа затесала, я ничего не делал!

Но Лу Ян все прекрасно помнил.

— Ты ко мне руки тянул. Я собирался отрубить тебе руку.

Ша Чжу замер, затем бросился к курятнику и поймал для Лу Яна курицу.

— А что ты скажешь своим домашним? — спросил Лу Ян.

— Скажу, что это все украл Сунь Эр-си, — ответил Ша Чжу.

— Кто такой Эр Си? — снова спросил Лу Ян.

— Это тот, который вчера хотел тебя ударить, — сказал Ша Чжу.

Он даже указал дорогу, надеясь, что Лу Ян отправится «грабить» дом Эр Си.

Лу Ян обнаружил в себе талант деревенского тирана. Он указал на Ша Чжу и сказал:

— Впредь избавь меня от необходимости приходить лично. Как только овощи в огороде поспеют, сам принесешь.

Ша Чжу, кланяясь и лебезя, со всем согласился.

Лу Ян вернулся с богатой добычей и увидел Се Яня, который сидел на пороге и ждал его.

Се Янь смотрел растерянно, с отсутствующим выражением лица, словно сомневаясь в реальности происходящего. Увидев Лу Яна, он ожил, в глазах его зажегся тот самый восторженный огонек, который так тешил самолюбие Лу Яна. Он вскочил и в несколько шагов подбежал к нему.

— Ты куда ходил?

— Я проснулся, а тебя нет.

Лу Ян, неся корзину на кухню, чтобы разгрузить ее, поддразнил его:

— Ты что, подумал, что я сбежал?

— Я думал, это сон, — покачал головой Се Янь.

Когда тот спросил, что ему снилось, он ответил:

— Я думал, это предсвадебный кошмар, что на самом деле я еще не женился, и все это — лишь мои мечты. И что мне вот-вот предстоит ехать за супругом.

— Так ты мечтал жениться на свирепом супруге? — удивился Лу Ян.

Се Янь кивнул, и тут же встретился со смертоносным взглядом.

— Значит, я, по-твоему, свирепый? — спросил Лу Ян.

Се Янь промолчал.

Он весь вспотел от напряжения.

Лу Ян, видя его состояние, громко рассмеялся.

— Иди сюда, помоги мне овощи разобрать, — сказал он. — Это мои трофеи.

И добавил:

— Ша Чжу отдал все добровольно.

В это время года было много редьки и капусты, и Ша Чжу наполнил ему целую корзину.

Кусок вяленого мяса был небольшим, хватило бы на два раза. Сушеный тофу был хорош. Дома были соленья и мука, и Лу Ян решил приготовить баоцзы с соленьями и тофу.

А еще потушить капусту с вяленным мясом — горячее блюдо, чтобы согреться.

Взгляд Се Яня стал еще более восхищенным.

— Ты такой умелый.

— Иди лучше почитай, — усмехнулся Лу Ян. — Говорят, по утрам лучше всего запоминается. Я тут сам справлюсь.

Се Янь не хотел читать. При упоминании учебы он весь сникал, становясь похожим на вдовца, которого заставляют делать то, чего он не хочет.

— Тогда помоги мне разжечь огонь, — сказал Лу Ян.

Се Янь умел делать кое-что по дому, немного, и разжигание огня было одним из этих умений.

В их доме остались только он и его мать, так что помогать приходилось.

Лу Ян сначала поставил на огонь полкотла воды для умывания.

За это время он замесил тесто. В шкафу нашлась закваска, он добавил ее в тесто и оставил подходить.

Затем он нарезал вяленое мясо, помыл и нашинковал капусту. Когда вода нагрелась, он отлил ее, добавил в котел пол-ложки масла и обжарил мясо.

Мясо было жирным, и при нарезке ломтики блестели от жира, радуя глаз.

Всего пять-шесть ломтиков, брошенных в котел, вытопили целую лужицу жира.

Он слил часть жира, добавил капусту, немного обжарил, а затем положил большую ложку соевой пасты и оставил тушиться.

Блюдо было простым, но очень ароматным.

Когда в печи разгорелся огонь, Лу Ян отправил Се Яня умываться, а сам занялся начинкой для баоцзы.

Сушеный тофу и соленья нужно было обжарить. Он промыл соленья, а тофу нарезал мелкими кубиками и замочил.

Готовое рагу он переложил в глиняный горшок и накрыл крышкой, чтобы не остыло.

Обжарив начинку, Лу Ян снова обмял тесто, разделил его на порции и ловко, двумя руками,

принялся лепить баоцзы. Се Янь даже не успел разглядеть, как один пирожок был уже готов.

Баоцзы получились маленькими, с ровными и красивыми защипами.

Он выложил их на доску. Из одной миски начинки получилось восемнадцать маленьких баоцзы.

К этому времени вода в баке у печи закипела.

Он поставил баоцзы в пароварке на большой котел.

Огонь пока не разжигал, давая им еще немного подойти. А сам пошел умываться.

Он принес из дома свою зубную щетку из свиной щетины, а Се Янь дал ему зубной порошок.

Закончив с умыванием, он посмотрел на часы и, набрав горячей воды из бака, пошел будить свекровь, Чжао Пэй-лань.

После смерти мужа Чжао Пэй-лань взвалила на себя все заботы о доме. Поскольку им не нужно было работать в поле, она редко вставала рано.

Лу Ян пришел как раз вовремя, когда рассвело и ей пора было вставать. Но она еще не привыкла.

Она смотрела на Лу Яна с некоторой опаской.

Лу Ян ничего не сказал.

Он выполнил свой долг, сделал то, что положено, и к нему не могло быть претензий.

Выйдя из ее комнаты, он подбросил дров в печь, чтобы приготовить баоцзы.

Се Янь следовал за ним, желая помочь, но ему досталась лишь легкая работа — расставить миски и палочки.

Рагу в горшке Лу Ян отнес в главную комнату и разжег жаровню.

Утром есть баоцзы было не принято — для этого нужно было вставать в третью стражу, чтобы успеть к завтраку.

Но сегодня Лу Яну хотелось именно баоцзы. Первый день новой жизни должен был начаться с баоцзы.

Если бы позволяли условия, он бы съел баоцзы с большим куском мяса.

Говоря об условиях, пора было расспросить о положении дел в семье Се.

Земля, долги — те люди кричали так громко, нужно было выяснить, правда ли это. Если есть долги, нужно узнать, сколько у них сбережений, и если возможно, расплатиться.

Се Янь, вздыхая, покачал головой и сказал, что долгов нет.

— Когда отец был жив, мы никому ни гроша не были должны. Но как только он умер, пришел Четвёртый дядя и заявил, что отец присвоил его поля, и потребовал их вернуть. Мы ничего не должны, с какой стати нам отдавать? Тогда дядя стал везде плакаться, а его дети устроили скандал в уездной школе. Мать не выдержала, не смогла их образумить и отстоять правду. И отдала ему пять му земли.

Лу Ян промолчал.

«Пять му земли за скандал? Если бы я знал о таком, я бы и сам поскандалил. Если есть дело — работай, если нет — скандал. В любом случае не прогадаешь».

Получив землю, можно было заработать, а не получив — хоть душу отвести. Красота.

Все произошло именно так, как и предполагал Лу Ян. Постепенно и другие родственники стали заявлять, что отец Се Яня должен им землю.

— Мой отец был сюцаем, и его земли освобождались от налогов. Тогда многие родственники хотели записать свои поля на его имя, но отец, боясь путаницы в будущем, всем отказал.

— Тогда все было оговорено: если записать на его имя, то земля становится его. Они и сами этого опасались. А когда отец умер, они снова подняли эту тему. Теперь, когда свидетелей нет, они могут говорить что угодно.

Родственники начали скандалить, и другие жители деревни, глядя на это, разве не позавидовали бы?

Деревня была маленькой, и если что-то случалось, все тут же сбегались, соревнуясь, у кого больше глоток и громче голос.

Так продолжалось некоторое время, и другие жители деревни тоже смекнули, что к чему, и стали говорить, что отец Се Яня должен им денег.

Все равно доказать ничего нельзя.

Лу Ян слушал, и когда увидел, что Чжао Пэй-лань вышла к столу, пошел на кухню за баоцзы.

Маленькие пирожки приготовились быстро. Он вынес их прямо в пароварке.

Когда все сели за стол, он поставил на него горшок с рагу.

Подложив под горшок плетеную подставку, он раздал всем баоцзы.

Лу Ян был мастером по приготовлению баоцзы. Даже скупой Старина Чэнь часто просил его их готовить.

Тесто было в меру тонким, настолько, что сквозь него просвечивали масло и начинка, но при этом не рвалось. Оно пропиталось соком, и каждый укус был полон вкуса.

Баоцзы были маленькими, и за один укус можно было съесть половину начинки. Соленья были обработаны и мелко нарезаны, идеально сочетаясь с кубиками тофу. Каждый укус был мягким, упругим и соленым.

В рагу было немного соевой пасты, а часть жира от вяленого мяса пошла на обжарку начинки, поэтому блюдо получилось нежирным. Его можно было есть как суп, запивая баоцзы.

Се Янь ел с большим удовольствием.

— Вкуснее, чем те, что я покупал на улице, — сказал он.

Чжао Пэй-лань тоже кивнула, а потом вспомнила:

— А у нас в доме, кажется, не было этих продуктов?

Се Янь поперхнулся.

Лу Ян спокойно рассказал, как Ша Чжу принес им овощи.

Чжао Пэй-лань хотела что-то сказать, но промолчала.

Прошла ночь, она успокоилась и снова начала бояться. Она переживала, что семья Ша Чжу придет скандалить.

Устраивать шум на свадьбе — их вина, но взять у них столько продуктов — уже их.

Если они придут снова, да еще и с несколькими молодыми женами и супругами, как Лу Ян справится?

Но Лу Ян не боялся.

— Это они должны радоваться, что я не ищу с ними проблем. А если захотят прийти снова, посмотрим, удостою ли я их своим вниманием.

За столом снова заговорили о долгах, и Чжао Пэй-лань, запинаясь, рассказала еще кое-что.

Сначала они, не выдержав давления, отдали часть земли.

Потом наотрез отказались отдавать, но поля-то никуда не делись. Каждый год во время сбора урожая жители деревни приходили грабить зерно, и это приводило к многочисленным стычкам с арендаторами.

Они хотели заявить в управу, но те люди толпой падали на колени и умоляли, и они снова смягчались. Раз не вышло, другой, а когда они снова заговорили об управе, им уже никто не верил.

Лу Ян промолчал.

«Неудивительно, что вас прозвали «мясными пирожками» — такие же мягкие и беззащитные. Любая собака норовит укусить, не говоря уже о людях».

Когда он спросил о сбережениях, Чжао Пэй-лань вздохнула еще тяжелее.

— Я не то чтобы скрываю от тебя, но у нас действительно ничего не осталось. Его отец был всего лишь сюцаем. После сдачи экзаменов один богач проявил к нему благосклонность и дал сто с лишним лянов серебра. Позже он стал поручителем для кого-то, нашел работу в частной школе, и за несколько лет скопил немного денег. На эти деньги, по совету того богача, он купил небольшую лавку. Остальное ушло на покупку земли. Всего было тридцать два му, часть мы отдали, а остальное я продала.

Лавка не приносила дохода и давно была закрыта.

Все вокруг говорили, что их семья живет на доходы с аренды, имея в виду землю и лавку.

Землю продали после осеннего сбора урожая, и эти деньги пошли на выкуп за супруга.

Чжао Пэй-лань хотела продать и лавку, чтобы иметь какие-то оборотные средства.

Лу Ян был против.

Никто из них троих не умел работать в поле. Лавку нужно было оставить, чтобы в будущем заняться каким-нибудь делом и зарабатывать.

К тому же, земли у них больше не было.

Чжао Пэй-лань, жуя баоцзы, осторожно предложила:

— Может, переедем в уезд? Ян-гээр, у тебя такие умелые руки, будем всей семьей продавать баоцзы?

У Лу Яна эта мысль возникла еще до замужества.

— Можно, но сначала нужно разобраться с делами в деревне. Иначе они каждый раз на рынке будут устраивать скандалы. А если скандалов будет много, никакое мастерство не удержит покупателей.

Он задумался.

— Этот вопрос нужно решить. Се Яню еще предстоит сдавать экзамен на чжуаньюаня. В деревне плохая репутация — это одно, но если слухи дойдут до уезда и другие ученые узнают, то в будущем, когда он поедет в столицу префектуры или в столицу, все будут говорить, что он не отдает долги. Кто станет с ним общаться? Так можно и всю дорогу себе перекрыть.

Се Янь, который и не думал сдавать на чжуаньюаня, промолчал.

Лу Ян, повернувшись к нему и увидев его унылое лицо, сказал:

— Ученые мужи ценят свою репутацию. Эти грязные слухи нужно смыть.

— Я не сдам на чжуаньюаня, — тихо возразил Се Янь.

— Знаю, знаю, чжуаньюань, — небрежно ответил Лу Ян.

Се Янь промолчал.

Он хотел было возразить, но не посмел.

Лу Ян снова спросил о свадебной процессии.

— У меня есть хороший друг, однокашник, его семья занимается торговлей, он мне все устроил, — ответил Се Янь.

— Такой влиятельный, а не мог привести с собой несколько человек, чтобы навести порядок? — спросил Лу Ян.

Такая помощь была бы временной.

Се Янь, заботясь о своей репутации, даже не пригласил никого на свадебный пир. Сказал лишь, что в следующий раз, когда они будут в уезде, он представит своего супруга и угостит всех.

Лу Ян запомнил это.

Он спросил Се Яня, где тот сейчас учится.

При упоминании учебы Чжао Пэй-лань расплакалась.

Оказалось, что после того, как Четвёртый дядя устроил скандал в уездной школе, Се Янь не смог там больше учиться и перешел в частную.

Обучение в частной школе стоило дорого, и в этом году они не смогли заплатить, поэтому Се Янь учился дома. После продажи земли Чжао Пэй-лань поняла, что так дальше продолжаться не может, и решила женить сына.

У нее был свой умысел: она знала, что только сильный человек сможет справиться с этой сворой.

Но она боялась, что в дом придет тигр, и тогда им с сыном будет еще хуже. Се Янь несколько раз говорил, что гээр из семьи Лу не подходит, но она настояла на своем.

Она не ожидала, что загнанный в угол кролик может и укусить. Мягкий и податливый на смотринах гээр, после свадьбы оказался таким бойким.

Се Янь подал матери платок и, пользуясь случаем, высказал свое желание:

— Я больше не буду учиться.

Лу Ян подумал, что он жалеет денег, и велел ему не думать об этом.

— Учись спокойно, а о деньгах на обучение я позабочусь.

Обычно частные школы начинали занятия после нового года, шестнадцатого числа первого месяца.

Лу Ян прикинул положение дел в семье Се и наметил план действий.

Деньги нужно было копить. Первая цель — собрать на обучение, книги и письменные принадлежности.

Затем — запасы на зиму. Зима уже наступила, а в доме даже дров было мало, не говоря уже о мясе, яйцах и овощах. Так жить было нельзя.

Зимой был новый год, и он не мог вернуться к родителям с пустыми руками. Нужно было приготовить им достойный подарок.

К тому же, приближался день визита к родителям после свадьбы. Его отцы, зная, что он попал в «волчье логово», будут беспокоиться. Самым привлекательным в этой партии были хорошие условия в семье Се.

К своему визиту он должен был приготовить достаточно щедрые подарки, чтобы успокоить отцов и избавить их от чувства вины и самобичевания, которые могли бы повредить их здоровью.

И, наконец, самое главное — дела в деревне, которые были связаны с репутацией Се Яня. Это нужно было уладить во что бы то ни стало.

По времени получалось так: сначала — подарки для визита к родителям, затем — запасы на зиму, а потом — новогодние подарки.

Когда все это будет сделано, жизнь должна была наладиться, и можно будет спокойно копить на обучение.

Лу Ян, посмотрев на небо, сказал Се Яню:

— Тогда поехали в уезд. Я заодно посмотрю на лавку и познакомлюсь с твоим другом. В доме ничего нет, нужно кое-что купить, да и муки привезти. Будем делать баоцзы на продажу, чтобы

как-то начать жить.

В семье Се не было скота, ни волов, ни ослов.

Лошадь тоже одолжил друг, и она уехала вместе со свадебной процессией.

Лу Ян решил при встрече оценить характер этого однокашника и, если возможно, одолжить у него животное.

Раз тот мог одолжить лошадь, значит, ослы у него в хозяйстве точно были.

Чжао Пэй-лань, видя, что Лу Ян уже собрался уходить, попыталась его отговорить:

— Не слишком ли поздно сейчас ехать?

— Не поздно, — покачал головой Лу Ян. — Мама, ты тут одна не бойся. На кухне есть и овощи, и мясо, на обед хватит. Перед уходом я обойду всю деревню, и будь уверена, никто не посмеет тебя тронуть.

— ...?

— Как это ты обойдешь?

— Я пойду просить у них повозку, — сказал Лу Ян. — Они обязательно спросят, куда мы едем, а я скажу — в управу. Я в жизни такого унижения не терпел. Эти мужланы, я женился на сюцае, а они ко мне пристают. Если я не отправлю их под палки, значит, я зря ношу фамилию Лу.

Чжао Пэй-лань понимала его и тоже злилась, вспоминая об этом. Но те люди уже не боялись управы.

Се Янь же тут же бросился писать жалобу.

Он был очень зол!

Лу Ян велел Чжао Пэй-лань не вмешиваться и последовал за Се Янем в комнату. Увидев, как тот растирает тушь и готовится писать, он почувствовал тепло в груди.

— Ну что за дурачок. Неужели ты и вправду собрался на них жаловаться?

Се Янь посмотрел на него с недоумением:

— А что, не надо? Тогда ты больше не носишь фамилию Лу?

Лу Ян подумал, что он и вправду какой-то наивный.

— Это я им так пригрозил. К тому же, какая разница, какую фамилию я ношу? Могу и твою взять.

Он взял со стола стопку бумаг, исписанных Се Янем.

— Этого хватит, чтобы их напугать.

Чжао Пэй-лань убирала со стола. Они решили выйти пораньше, чтобы успеть вернуться до темноты.

Она отдала Лу Яну кошелек, в котором было чуть больше лян серебра. Лу Ян взял все.

Он и вправду вел себя дерзко. Взяв своего маленького сюю за руку, он пошел по знакомому утреннему маршруту, обошел всю деревню, заходя в каждый двор и прося одолжить повозку, чтобы поехать в уезд и подать жалобу.

Те, кто участвовал в свадебном безобразии, забеспокоились. Как это — в управу?

— Вы нам должны землю и деньги, мы просто пришли за своим! — кричали они. — Вы пожалуетесь, а судья вас и слушать не станет!

— Одно к другому не относится, — холодно усмехнулся Лу Ян. — Вчера была моя свадьба, и вы сами знаете, что натворили. Мне терять нечего, а вот посмотрим, выдержите ли вы палки!

Повозку ему не дали, и он, взяв Се Яня за руку, пошел пешком.

Впереди кто-то пытался их остановить, и он поднял исписанные бумаги:

— Я не против добавить в жалобу еще несколько имен.

Люди были в отчаянии. Они хотели их остановить, но не смели. Говорили, что повозку не дадут, но издали следовали за ними, уговаривая.

Кто-то сказал, что Лу Ян поступает нечестно, ведь он уже взял выкуп.

— Вас так много, я боюсь, — ответил Лу Ян. — Сегодня вы нас окружили, а завтра, что, на

крышу залезете?

Те, кто не участвовал в безобразии или стоял в стороне, отошли. Оставшиеся несколько семей были готовы расплакаться.

На другом конце деревни семьи Ша Чжу и Эр Си с самого утра ругались. Ша Чжу не выдержал и рассказал правду о том, как Лу Ян утром пришел за «данью».

Обе семьи тут же собрались идти к дому Се, чтобы потребовать у Лу Яна возмещения за лечение.

Толпа жен и супругов высыпала на улицу и, услышав, что сюцай со своим грозным супругом идут в уезд жаловаться, испугались до полусмерти.

Вернувшись домой и рассказав все мужьям, они снова выбежали на улицу, но увидели лишь удаляющиеся спины супружеской пары.

Какое жестокосердие.

Лучше пешком пойдут, но в управу заявят.

Они в отчаянии топали ногами.

— Почему вы их не остановили! — в сердцах кричали они.

— Кто остановит, на того и пожалуется, — отвечали зеваки. — Можешь сейчас побежать, еще догонишь. Что же ты не бежишь?

Остановить их можно было на время, но не навсегда.

Пока весть дойдет до уезда, пройдет время, поэтому они снова поспешили к дому Се.

Чжао Пэй-лань промолчала.

Лу Ян был прав, сегодня никто не посмел прийти к ней с неприятностями. Вместо этого все приходили умолять ее о заступничестве и пощаде.

Снова полились слезы и жалобы.

Чжао Пэй-лань впервые поняла, что эти люди, похожие на волков, на самом деле были сделаны

из бумаги.

Говорили, что не боятся управы, а сами — трусы.

<http://bllate.org/book/16991/1583189>